

Yandere

Двойной эспрессо для В҄

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Yandere

Двойной эспрессо для ВJ

«Автор»

2026

Yandere

Двойной эспрессо для ВJ / Yandere — «Автор», 2026

В кафе Джиён – тихая клиентка, которая всегда берёт двойной эспрессо. Но в интернете она «Милая Д», популярная ВJ, чьи ночные эфиры собирают тысячи зрителей. Минхо знает обеих. Днём он работает бариста, по вечерам развозит заказы. Однажды татуировка на шее помогает ему понять: странная девушка из 402-ой квартиры и его любимая стримерша – один человек. После этого случайные встречи перестают быть случайными. Минхо начинает подстраивать маршруты, запоминать её привычки и собирать вещи, которых она никогда не дарила ему. В его комнате появляется алтарь созданный по образу девушки, которая должна принадлежать только ему. Минхо не мечтает о взаимности. Ему не нужны признания и любовь. Он хочет, чтобы Джиён исчезла из чужих экранов, чужих разговоров и осталась только рядом с ним. Но чем ближе он подбирается к ней, тем очевиднее становится: опасен не сам секрет Джиён, а человек, который решил, что уже имеет на неё право.

Содержание

Глава 1. Двойной эспresso.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Yandere

Двойной эспрессо для ВJ

Глава 1. Двойной эспрессо.

Кофейня «Kotton» жила по собственному расписанию. Утром в кофейне пахло подогретым молоком и корицей. Запах держался у стойки, смешиваясь с паром от кофемашины и влажной шерстью пальто, которые посетители развешивали на спинках стульев. Сонные разговоры не умолкали – просто звучали негромко: кто-то пересказывал вчерашний вечер, кто-то долго выбирал между двумя десертами. К полудню корица исчезала. Через приоткрытую дверь тянуло раскалённым асфальтом и выхлопами с улицы, а сладкий запах сиропа оседал возле стойки ванильного, карамельного, иногда слишком резкого, если крышку забывали закрыть. За столами сидели посетители с ноутбуками. Их лица подсвечивали экраны; чашки остывали рядом с ладонями, не успевшими отойти от клавиатур. Кто-то говорил по телефону вполголоса, кто-то смотрел в одну и ту же строку так долго, что Минхо успевал убрать соседний стол и налить себе воды. Дверной колокольчик звенел часто, почти без пауз. Вместе с каждым новым гостем внутрь врвался уличный шум. К вечеру поток редел. Свет за окнами становился резче: вывески аптек и круглосуточных ресторанчиков отражались на стекле, поверх улицы. В кофейне оставались те, кому не нужно было спешить, и те, кто просто не хотел сразу возвращаться домой. Именно этот час нравился Минхо. Кофемашина шипела лениво, с паузами; за стойкой остывала металлическая ложка, оставляя на блюде тонкий круг от кофе. В воздухе проступал запах жжёного зерна – сухой и чуть горький. Минхо протирал поверхность стойки, хотя она уже была чистой, и время от времени смотрел в окно. Снаружи улица продолжала двигаться: сворачивали автобусы, мигали вывески, прохожие исчезали за углом. Здесь же звук каждого шага и каждого поставленного на стол стакана был слышен отдельно. Минхо работал в «Kotton» почти полгода и за это время выработал простое правило: не запоминать лица. Минхо узнавал постоянных гостей по заказам: американо со льдом – высокий парень в университетской куртке. Латте на овсяном – женщина с рыжим пуделем. Фильтр-кофе без сахара – седой мужчина, который каждое утро читал газету. Лица усложняли работу. За лицами следовали имена, истории, чужие привычки и вопросы, на которые не хотелось знать ответы.

Но с Джиён это правило не работало. Она приходила по вторникам и четвергам, ровно в семь вечера. Иногда задерживалась у двери, словно решала, стоит ли вообще входить. Иногда сразу направлялась к окну, не снимая капюшона. Всегда садилась на одно и то же место: у стены, под тёплой лампой. И всегда заказывала двойной эспрессо без сахара. Первые несколько раз Минхо принимал заказ, ставил чашку на стойку и возвращался к своим делам. Потом начал замечать детали: как Джиён держала телефон экраном вниз, как постоянно проверяла время, как водила большим пальцем по краю бумажного стаканчика, даже если сидела с фарфоровой чашкой. Она никогда не приходила с друзьями. Не отвечала на звонки. Не разговаривала с кассирами разве что произносила заказ, тихо и коротко. Минхо казалось, что она не столько отдыхает в «Kotton», сколько прячется здесь от чего-то.

Вечер вторника шёл дождь. Мелкий, почти невидимый из-за света фонарей, но достаточно холодный, чтобы прохожие ускоряли шаг и прятали лица в воротники. Часы на стене показывали без десяти семь. Минхо пересчитывал сахар в третий раз. Жестокая потребность контролировать порядок не давала покоя. На стойке стояли четыре стеклянные банки: белый сахар, тростниковый, коричневый и сахарозаменитель. Он снял крышки, проверил уровень в каждой, затем заглянул под стойку – туда, где хранились запасные пачки. После этого принялся за пакетики.

– Ты снова пересчитываешь сахар? – спросила Ёна. Она стояла за стойкой, застёгивая длинный бежевый плащ поверх рабочей формы. Ёна была коллегой и единственным человеком в «Kotton», с которым Минхо мог молчать и не чувствовать неловкости.

– Не сахар, а банки, – ответил он.

– Это гораздо лучше.

– Их должно быть двенадцать.

– Их и есть двенадцать.

– Сейчас – да.

Ёна посмотрела на него с усталой улыбкой.

– Ты когда-нибудь допускаешь мысль, что мир не рухнет, если кто-то возьмёт лишний пакетик?

– Нет.

– Прекрасно. Тогда я оставляю кофейню на тебя и еду спасать свою машину. Под капотом стучит, отгоню её в автосервис.

Ёна уже направилась к выходу, когда дверь открылась. Внутрь ворвался холодный воздух вместе с дождевыми каплями. Джиён остановилась у порога. Она сняла капюшон, осторожно пригладила пряди и огляделась, будто проверяла, не изменилось ли что-нибудь за те четыре дня, пока её здесь не было. Увидев свободный столик у окна, она направилась к нему.

– Двойной эспрессо, пожалуйста, – сказала она. Хриплый, чуть приглушённый голос.

Минхо поднял глаза. Ему показалось, что он уже слышал его. Не здесь. Не в кофейне. В наушниках, поздней ночью, когда экран ноутбука освещал его комнату, а за окном шумели машины.

– Без сахара, – сказал он. – Я помню.

Джиён чуть заметно напряглась. Минхо понял, что поспешил, и добавил:

– Вы всегда заказываете один и тот же.

– Да, – ответила она после короткой паузы.

Джиён собиралась отойти, но Минхо уже включил кофемашину.

– Сегодня зёрна темнее обжарены, – сказал он, доставая чашку. – Вкус будет крепче. Если хотите, могу добавить немного молока.

– Нет. Пусть будет как есть.

Джиён отошла к окну. Минхо коротко кивнул и повернулся к кофемашине, но голос продолжал звучать у него в голове. Пока машина с тихим шипением налиwała в чашку густой, дымящийся эспрессо, его мысли снова упорно цеплялись за вчерашний стрим. Он не просто случайно наткнулся на него – он специально сидел, обновляя страницу, пока экран не засветился мягким, приглушённым светом и в прямой эфир вышла девушка. На превью она сидела в полумраке, микрофон был так близко к губам, что казалось, можно было почувствовать её дыхание. Она называла себя Милая Д. Минхо смотрел стрим, не отрывая глаз, ловя каждое движение, каждую тень на лице ВJ, и внутри, начинало нарастать возбуждение что уснуть потом было просто нереально. И вот теперь этот голос будто эхом отозвался в кофейне. Минхо не знал настоящего имени Д. Не знал, где она живёт, чем занимается днём и почему почти никогда не показывала лицо целиком. Он знал только то, что она выходила в эфир поздно вечером, обычно после полуночи, и говорила с людьми так, будто между ними не существовало экрана. Иногда читала сообщения. Иногда просто молчала под музыку. Иногда рассказывала о книгах, фильмах и бессоннице. А иногда наклонялась к микрофону и говорила совсем тихо, почти шёпотом. В такие моменты Минхо не замечал, как проходит время. Он убеждал себя, что его привлекал голос. Только голос. В нём была странная мягкость, скрытая под усталостью, и что-то ещё – ощущение, будто Д обращалась лично к нему, даже если в чате одновременно писали сотни зрителей. Это было глупо. Минхо прекрасно понимал, что не знает эту девушку. Он знал лишь тщательно собранный образ, который она позволяла видеть другим. Но понимание не

мешало ему вечер ждать её эфиров, проверять страницу перед сном и раздражаться, когда кто-то в чате называл её своей.

Он снял чашку с подставки. Слишком поздно заметил, что кофе пролился на блюдце.

– Чёрт.

Минхо вытер край салфеткой, налил новую порцию и поставил её на стойку. Джиён подошла бесшумно. Он хотел промолчать. Поставить чашку, взять деньги и вернуться к уборке. Но слова вырвались раньше, чем он успел их осмыслить:

– У вас очень красивый голос.

Джиён замерла. Её пальцы остановились в нескольких сантиметрах от чашки. Она медленно подняла голову, и впервые Минхо увидел её глаза тёмные, внимательные и настороженные.

– Что?

Он почувствовал, как к ушам приливает тепло.

– Я... – Минхо неловко кашлянул. – Просто заметил. У вас такой тембр. Его сложно не запомнить.

Это прозвучало ещё хуже. Слишком лично. Почти навязчиво.

– Вы читаете что-нибудь вслух? – поспешно добавил он. – Или, может, поёте?

Джиён смотрела на него так, будто пыталась понять, шутит он или нет.

– Не пою, – наконец сказала она. – И не читаю.

– Понятно. Минхо кивнул с видом человека, который только что получил исчерпывающий ответ. – У моей тёти похожий голос. Её узнают по телефону с первого слова. Иногда это удобно, а иногда нет. Например, нельзя притвориться, что ты не слышал звонок.

На лице Джиён впервые появилось что-то похожее на улыбку. Не настоящая улыбка скорее тень, которая случайно показалась в уголке губ.

– Извините, – сказал Минхо. – День был тяжёлый. Я говорю лишнее.

Он поднял руки, будто сдавался. Джиён посмотрела на чашку, потом осторожно взяла её обеими ладонями.

– Ничего.

Она сделала глоток. Слишком быстро, обжигаясь, и сразу поставила чашку обратно.

Минхо сжал пальцы на краю стойки.

– Кстати, про кофе, – сказал он, пытаясь перевести разговор в безопасное русло.

– Эти зёрна привезли с маленькой фермы в Колумбии. Владелец говорит, что ягоды собирают только на рассвете, пока роса не успела высохнуть.

Джиён чуть наклонила голову.

– Правда?

– Так написано в описании поставщика. Звучит как сказка, если честно. Будто фермеры каждое утро выходят на плантацию в белых рубашках, а солнце встаёт специально для них.

– И вы в это не верите?

– Я верю в ржавые грузовики и людей, которые хотят продать кофе подороже.

Джиён снова посмотрела на чашку.

– Но вкус всё равно нравится?

– Нравится. Поэтому, может быть, в этих мелочах действительно есть смысл.

За окнами проехал автобус, разбрызгивая воду по дороге. На секунду стекло задрожало, и отражение Джиён расплылось в жёлтом свете вывески напротив.

– На рассвете, – повторила она тихо, словно пробовала фразу на вкус. – Я думала, всё собирают днём.

– Я тоже.

– А вы были в Колумбии?

– Нет. Я вообще дальше Пусана не уезжал.

– Почему?

Вопрос прозвучал спокойно, но Минхо всё равно удивился. Джиён никогда не задавала вопросы.

– Наверное, потому что всё время собирался и откладывал, – ответил он. – А потом выяснялось, что сейчас не лучший момент.

– И когда будет лучший?

Минхо усмехнулся.

– Если узнаете, скажите мне.

На этот раз она действительно искренне улыбнулась. Этого оказалось достаточно, чтобы у Минхо сбилось дыхание. Он вдруг понял, что слишком долго на неё смотрит.

– Простите, – сказал он, хотя она ни о чём не спрашивала.

Джиён покачала головой.

– Ничего.

Она вернулась к столику. Минхо наблюдал, как она достаёт из сумки тонкую тетрадь и телефон. На экране вспыхнуло уведомление. Девушка быстро перевернула устройство и положила его рядом с локтем. Он заставил себя отвернуться. Это было несложно. В конце концов, он не собирался нарушать её границы. По крайней мере, так он сказал себе.

Через несколько минут Ёна написала ему сообщение: Ты ещё жив?

Минхо ответил: Пока да.

Потом заметил, что Джиён смотрит в окно, но не пишет и не читает. Она просто сидела, положив ладонь на закрытую тетрадь. На стене тикали часы. В семь двадцать пять она допила эспрессо и поднялась.

– Сколько с меня?

– Я записал на счёт, – сказал Минхо, прежде чем успел подумать.

– На какой счёт?

– В смысле... – Он запнулся. – Я имел в виду, что уже пробил заказ.

Джиён посмотрела на него с лёгким недоумением.

– Я заплачу.

– Конечно.

Минхо назвал сумму. Она приложила карту к терминалу и убрала её с телефоном в сумку. Потом взяла тетрадь, но край её рукава зацепился за блюдце. Чашка качнулась. Минхо рванулся вперёд, однако сделал только хуже. Остаток эспрессо выплеснулся на стол большой лужей и протёк на тетрадь. Минхо схватил салфетки.

– Простите. Простите, я сейчас всё вытру.

– Ничего страшного.

– Там же записи.

– Они не важные.

– Но всё равно... Минхо промокнул обложку, затем раскрыл тетрадь. Чернила на первой странице расплылись, превратившись в серые пятна.

Джиён смотрела на него, а он вдруг заметил в её лице раздражение.

– Я могу оплатить новую, – сказал Минхо.

– Не нужно.

– Правда, я...

– Минхо!

Он замолчал. Она впервые назвала его по имени. На бейдже у него было написано: MINHO, но раньше Джиён ни разу не произносила это вслух.

– Это просто бумага, – сказала она. – Она высохнет.

– Но чернила уже не высохнут обратно.

– Некоторые вещи нельзя вернуть в прежний вид. Она произнесла это без пафоса, почти равнодушно. Потом аккуратно закрыла тетрадь.

– До свидания.

– До свидания.

Джиён надела капюшон и вышла под дождь. Минхо остался стоять за стойкой, держа в руках мокрую салфетку. Он не понимал, почему голос Джиён так странно перекликается с голосом той ВJ – наверное, просто совпадение или сильная усталость.

Ёна вернулась через несколько минут и застала его за попыткой оттереть с деревянного стола пятно.

– Что случилось?

– Я испортил ей тетрадь.

– Кому?

– Девушке у окна.

– Той самой?

Минхо поднял голову.

– Какой «той самой»?

– Которая приходит по вторникам и четвергам, заказывает кофе.

Ёна повесила плащ на крючок и посмотрела на дверь, за которой исчезла Джиён.

– Ты хотя бы знаешь, как её зовут?

– Джиён.

– Уже неплохо.

– Это написано в приложении для заказов.

– Ещё лучше.

Минхо ничего не ответил. Он думал о разочаровании Джиён и постепенно мысли полностью перешли к ожиданию нового стрима Милой Д. Когда смена закончилась, он выключил свет над стойкой и запер входную дверь. Сеул за окном не собирался засыпать. По мокрому тротуару проносились курьеры на мопедах, из переулка доносился смех подвыпивших студентов, а над крышами домов мерцала красная вывеска караоке. Минхо добрался до квартиры ближе к полуночи. Он бросил ключи на полку, снял куртку и долго стоял в темноте, не включая свет. Потом всё-таки открыл ноутбук. Страница Д была уже загружена. Трансляция начнётся через минуту. Минхо замер. Он не мог закрыть вкладку и сидел перед экраном. Через несколько секунд появился знакомый тёмный фон. В кадре – край стола, микрофон и рука, поправляющая провод. Лица по-прежнему не было видно.

– Добрый вечер, – сказала Д.

На экране начали появляться сообщения зрителей: Мы скучали. Наконец-то ты в эфире. Расскажи, как прошёл день.?

Минхо смотрел на чат, не моргая. Потом Д тихо усмехнулась и сказала:

– День был странный. Я испортила одну вещь, но, кажется, не всё можно считать потерянными.

Минхо опустил взгляд на свои руки. Он вспомнил мокрую тетрадь и пятно на странице. И спокойное от Джиён: «Это просто бумага». Курсор мигал в окне для сообщений. Минхо напечатал: Надеюсь, вы сможете это исправить. Несколько секунд он смотрел на фразу. Потом стёр её. Он не имел права писать.

Пока не имел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.